

А. Шимковъ.

VI.

Воспоминанія о ♦ ♦
Д. И. Каченовскомъ.

Рѣчь въ собраніи Харьковскаго Юридическаго
о о Общества 22-го Ноября 1903 года. о о

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

Всего 1000 экз.

ъ настоящий день, посвященный воспомина-
ніямъ о Дмитріѣ Ивановичѣ Каченовскомъ
и оцѣнкѣ его ученой, профессорской и обще-
ственной дѣятельности, передъ Вами, М.м. Г.г.,
выступаютъ люди разныхъ періодовъ, различныхъ
поколѣній. Первыми говорили люди молодые, ро-
дившіеся если не послѣ кончины, то незадолго до
кончины Каченовскаго, знающіе Каченовскаго по
его печатнымъ трудамъ и по воспоминаніямъ его
современниковъ. Прочитано затѣмъ сообщеніе М. М.
Ковалевскаго, который былъ студентомъ Харьков-
скаго Университета и слушателемъ Каченовскаго
въ послѣдніе годы его жизни—въ концѣ 60-хъ и
началѣ 70-хъ годовъ. Въ лицѣ уважаемаго коллеги
и современника моего по Университету Л. Л. Гирш-
мана и моемъ передъ вами выступаютъ студенты
конца пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, ме-
дикъ и математикъ, слушавшіе Каченовскаго въ
періодъ его наибольшей популярности, какъ про-
фессора, ставшіе затѣмъ, съ половины 60-хъ годовъ,
его сослуживцами по профессурѣ. Недостаетъ здѣсь

ни старшихъ по возрасту учениковъ, ни современниковъ и ровесниковъ Каченовскаго: хотя они имѣются, но ряды ихъ сильно порѣдѣли. Къ числу первыхъ слѣдуетъ отнести уважаемаго профессора А. Н. Стоянова, котораго уже здѣсь вспоминали; къ сожалѣнію болѣзнь помѣшала ему быть въ этомъ собраніи, интересъ котораго онъ поднялъ-бы своимъ присутствіемъ. Изъ живыхъ современниковъ и ровесниковъ Каченовскаго я упомяну здѣсь академика Н. Н. Бекетова и бывшаго бібліотекаря Харьковскаго Университета Я. О. Баляснаго; оба они не живутъ въ Харьковѣ. Каченовскому, если-бы онъ дожилъ до настоящаго дня, было-бы теперь около 80 лѣтъ, и вполне естественно, что среди насъ насчитывается такъ мало современниковъ его; излагая передъ собравшимися здѣсь мои воспоминанія о Каченовскомъ, я считаю необходимымъ указать на это и напомнить, что мы говоримъ о далекомъ прошломъ, о человѣкѣ другого поколѣнія.

Если сопоставить этотъ фактъ, такъ сказать, хронологическаго характера, съ измѣненіемъ строя Университета и настроенія общества за истекшія 35—40 лѣтъ, съ тѣмъ забвеніемъ, въ которомъ находилось долгое время самое имя Каченовскаго,—забвеніемъ, нарушаемымъ, къ моему большому удовольствію, настоящимъ собраніемъ,—то нельзя не заключить, что весьма много пережито за эти годы и Университетомъ и обществомъ и что современникамъ можетъ показаться совершенно чуждымъ

многое въ томъ прошломъ, о которомъ мы сегодня вспоминаемъ. Какъ участникъ въ жизни Университета въ эти воспоминаемые здѣсь прошлые годы, я не могу считать себя безпристрастнымъ цѣнителемъ совершившагося измѣненія; знаю также, что старые люди, по однимъ уже фізіологическимъ причинамъ, склонны любовно относиться къ прошлому, украшать въ своихъ воспоминаніяхъ пережитое въ дни ихъ бодрой молодости; что старческая неудобоподвижность и подавленное самочувствіе побуждаютъ пожилыхъ людей критически и даже брезгливо относиться къ настоящему,—и эти соображенія обязываютъ меня воздержаться отъ сравнительной оцѣнки двухъ сопоставляемыхъ періодовъ. Но эти же соображенія даютъ мнѣ основаніе сказать здѣсь, что произошедшая за эти годы перемѣна такъ велика, что въ сужденіяхъ о дѣятеляхъ Университета въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, въ теченіе которыхъ Каченовскій игралъ такую выдающуюся роль, неизбѣжно уже принимать въ соображеніе время этой дѣятельности и то состояніе общества, при которомъ она совершалась. Страны и общества, развивающіяся органически, въ зависимости отъ роста общественнаго сознанія, живутъ въ указанномъ смыслѣ несравненно законообразнѣе и, такъ сказать, медленнѣе, чѣмъ мы: тамъ настоящее и будущее вытекаютъ преемственно и послѣдовательно изъ прошлаго, вырастаютъ постепенно, примѣнительно къ развитію жизни и обществен-

наго сознанія. Мы же, какъ часто на это жалуются, живемъ не самостоятельною жизнью: мы лишены общественнаго почина, ждемъ его извнѣ, чаще всего отъ начальства,—и потому жизнь наша идетъ скачками и притомъ въ разныхъ направленіяхъ, въ зависимости отъ настроеній правящихъ сферъ и вырастающихъ вліяній. По этой причинѣ русское общественное развитіе можно уподобить дереву, ростъ котораго обставленъ по временамъ сильными, ненормальными и къ тому же часто измѣняющимися условіями: черезъ это вѣтки дерева растутъ на немъ несимметрично: онѣ сильно и рѣзко выгибаются въ разныя стороны, искривляются и направляются даже внизъ, причемъ иногда вновь нарастающая вѣтвь перетираетъ прежнюю. Такъ растущія деревья не могутъ дать ни прямого ствола, ни стройныхъ вѣтвей; отъ нарастающихъ изгибовъ и сучьевъ фигура ихъ быстро мѣняется, изъ года въ годъ, и иногда—до неузнаваемости. Многіе изъ здѣсь присутствующихъ, подобно мнѣ, учились при одномъ Университетскомъ Уставѣ, начали службу при другомъ, а окончили ее при третьемъ. То же можно повторить о многихъ другихъ учрежденіяхъ. Соответственно этому мѣнялись и общественныя настроенія, и значеніе людей въ жизни общества. Упоминаю я объ этомъ опять не для того, чтобы квалифицировать измѣняющіяся настроенія общества, а для того, чтобы указать на необходимость, при сужденіяхъ о Каченовскомъ, и не смотря на то,

что онъ лишь 30 лѣтъ тому назадъ сошелъ съ общественной сцены, принимать въ расчетъ эти быстрыя и обыкновенно не координированныя измѣненія общественныхъ настроеній, и судить о дѣятельности Каченовскаго въ Харьковскомъ Университетѣ примѣнительно къ современнымъ ей настроеніямъ, какъ того требуетъ правильная оцѣнка прошлаго. Для выясненія предыдущей мысли я сошлюсь на фактъ, упоминаемый М. М. Ковалевскимъ и котораго я самъ былъ свидѣтелемъ. На лекціи Каченовскаго по международному праву собиралась вся студенческая интеллигенція: ихъ посѣщали не только обязательные слушатели—юристы, но вы могли встрѣтить тамъ филологовъ, математиковъ и медиковъ; этими лекціями онъ, несомнѣнно, будилъ мысль и направлялъ ее къ гуманности и правдѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ, когда крѣпостное право представляло еще одну изъ неприкосновенныхъ основъ нашего государственнаго строя, когда у многихъ изъ студентовъ были крѣпостные слуги, лекціи Каченовскаго о торгѣ неграми и о борьбѣ Европейскихъ государствъ, въ томъ числѣ и Россіи, съ этимъ позорнымъ дѣломъ давали ему предлогъ, не упоминая ни единымъ словомъ о нашихъ крѣпостныхъ, будить въ своихъ слушателяхъ чувства справедливости и гуманности по отношенію къ этому печальному пережитку нашей исторіи. Какъ ни сдержанно и абстрактно, въ виду существовавшихъ тогда условій,

велась рѣчь о рабствѣ негровъ, она наводила слушателей на размышленія *pro domo sua* и бросала доброе сѣмя въ ихъ сердца. Этимъ сѣменемъ для многихъ изъ слушателей Каченовскаго опредѣлилась ихъ послѣдующая дѣятельность въ открывшихся съ 1858 г. комитетахъ по улучшенію быта крестьянъ. И я могу засвидѣтельствовать здѣсь, что многіе изъ дѣятелей этихъ комитетовъ были постоянными посѣтителями скромныхъ «субботъ», которые собирались за вечернимъ чаемъ въ тѣсной квартирѣ Каченовскаго на Большой Панасовкѣ; наоборотъ, къ нему крайне враждебно относились и называли его краснымъ и революціонеромъ противники этой необходимой и даже запоздалой реформы. Также точно затрагивались Каченовскимъ на лекціяхъ международнаго права—вопросы національные, на лекціяхъ государственнаго права европейскихъ державъ—вопросы о мѣстномъ самоуправленіи, о мировыхъ судьяхъ, о судѣ присяжныхъ, —подготавливая публику къ текущимъ дѣламъ внутренней и внѣшней жизни и ожидаемымъ въ то время преобразованіямъ въ нашемъ отечествѣ (земская и судебная реформы) и волновавшимъ Европу національнымъ вопросамъ—итальянскому и германскому. Это все сообщало курсамъ Каченовскаго общеобразовательный характеръ, —и студенты и публика въ Харьковѣ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ такъ и относились къ курсамъ и публичнымъ лекціямъ Каченовскаго. Если бы со-

временный читатель сталъ судить объ этихъ лекціяхъ, не принимая во вниманіе времени и условій, при которыхъ онѣ были читаны, то онъ былъ бы совершенно лишенъ возможности оцѣнить ихъ значеніе для Университета и общества въ 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія. Помимо содержанія лекцій, отвѣчавшаго запросамъ современниковъ, успѣху ихъ способствовала и прекрасная манера изложенія: простая и внятная рѣчь, чуждая какой бы то ни было вычурности и грубыхъ эффектовъ, крайне сдержанная жестикуляція, симпатичный, хотя и слабый, голосъ, который, однако, отчетливо слышался въ небольшихъ университетскихъ аудиторіяхъ того времени—все это, въ соединеніи съ содержаніемъ курсовъ и лекцій, которое, по отзывчивости своей натуры, Каченовскій умѣлъ связать съ вопросами, волновавшими умы его слушателей,—все это дѣлало Каченовскаго какъ бы центромъ умственного движенія въ Харьковѣ въ рассматриваемый періодъ, и приводило къ сопоставленію его профессорской дѣятельности въ Харьковѣ съ такою же дѣятельностью Т. Н. Грановскаго въ Москвѣ въ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ. Можетъ быть будущій, болѣе обстоятельный изслѣдователь жизни Харьковскаго Университета въ рассматриваемый періодъ внесетъ въ предыдущее опредѣленіе значенія дѣятельности Каченовскаго много дополненій и даже поправокъ, но я твердо убѣжденъ, что Каченовскому, въ то время, о которомъ идетъ рѣчь здѣсь, принадлежала

роль руководителя юношества, а отчасти и общества, въ образованіи его политическихъ и общественныхъ воззрѣній и что эту роль онъ выполнилъ и съ честью, и съ большимъ успѣхомъ. Правда, при той быстрой смѣнѣ настроеній, на которую я указалъ въ началѣ этого доклада, положеніе Каченовскаго въ Университетѣ и обществѣ еще при жизни его сильно измѣнилось въ связи съ литературнымъ и общественнымъ движеніемъ въ нашемъ отечествѣ, которое послѣдовало за первыми преобразованіями Императора Александра II. Я не оскорблю памяти многоуважаемаго учителя и друга, когда скажу здѣсь, что онъ не успѣлъ за этимъ движеніемъ и, даже болѣе, по своей природѣ, по складу мыслей и характеру, онъ не могъ послѣдовать ему. Каченовскій, по своему направленію, былъ западникъ и идеалистъ; обладая самъ значительнымъ литературнымъ талантомъ, онъ съ большимъ интересомъ и любовью относился къ литературѣ и искусству, исторіи котораго онъ преимущественно посвятилъ послѣдніе годы своей жизни. Вопросы естествознанія, въ которыхъ полетъ мысли ограничивается и сдерживается обязательно для нихъ связью съ фактомъ, казались ему узкими и мало интересовали его; позитивизмъ рѣшительно не удовлетворялъ его. Это нерѣдко давало поводъ къ спорамъ его съ пріятелями-естественниками; споры велись обыкновенно въ шутливой формѣ, но принимали иногда и серьезный оборотъ. Материали-

стическія воззрѣнія, которыя въ то время, подъ вліяніемъ переводной литературы, стали быстро распространяться среди молодежи, не укладывались въ умъ Каченовскаго, склонномъ къ идеализму и поэзіи, и онъ уклонялся отъ общенія съ людьми, которые настойчиво высказывали ихъ по разнымъ поводамъ. Въ общественной жизни Каченовскаго занимала главнымъ образомъ область политическихъ правъ и отношеній: вопросы огражденія правъ личности, свободы слова и т. п.; соціально-экономическая сторона общественныхъ отношеній, которая выдвинулась въ общественномъ сознаніи на первое мѣсто во второй половинѣ истекшаго столѣтія, была чужда Каченовскому, какъ и многимъ изъ его современниковъ. Такимъ образомъ Каченовскій, не смотря на то, что жизнь его была коротка, какъ бы пережилъ себя: къ срединѣ 60-хъ годовъ умственный потокъ, въ челѣ котораго, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, дорогими для русскаго просвѣщенія именами дѣятелей 40-хъ и 50-хъ годовъ, плылъ до того Каченовскій, сталъ обходить, если хотите, обгонять его. Выразилось это на мѣстѣ, въ Харьковѣ, измѣненіемъ отношенія къ его лекціямъ, которыя не посѣщались уже всѣмъ университетомъ, какъ въ недавнее время; въ литературѣ это сказалось рѣзкою критикою его трудовъ въ передовыхъ журналахъ того времени, при чемъ ихъ укоряли въ догматизмѣ и доктринерствѣ. Каченовскій видѣлъ эту пережѣну и она огорчала его, но ни по характеру

своему, ни по силѣ своихъ убѣжденій онъ не могъ, да и не хотѣлъ приноровиться къ новымъ вкусамъ. Онъ не измѣнялъ своей фizioноміи въ угоду современности и въ послѣдніе годы жизни все болѣе и болѣе расходился съ нею. Отставая отъ передовыхъ современниковъ, онъ не пятился, однако, и назадъ, въ сторону реакціи, а оставался на своемъ мѣстѣ. Нужно думать, что этотъ разладъ между нимъ и современными настроеніями общественной мысли въ послѣдніе годы его жизни былъ одною изъ причинъ сосредоточенія дѣятельности Каченовскаго на исторіи искусства, которая, впрочемъ, всегда привлекала его. Въ этой области онъ стоялъ въ сторонѣ отъ потока, который болѣзненно задѣвалъ какъ его самого, такъ и, еще болѣе, его основныя воззрѣнія, и въ этомъ отчужденіи отъ настоящей злобы дня онъ находилъ не только относительный покой, но и удовлетвореніе своимъ художественнымъ и поэтическимъ наклонностямъ. Для большой публики это послѣднее настроеніе обозначалось появленіемъ статей по исторіи итальянскаго искусства въ періодическихъ изданіяхъ; для знакомыхъ, видѣвшихъ его дома, это же самое сказывалось весьма разнообразно и характерно. Удовлетворяя указаннымъ наклонностямъ, Каченовскій при частыхъ поѣздкахъ на каникулярное время за границу, посвящалъ ихъ не лѣченію тогда уже обнаруживавшагося недуга, а тратилъ свои лѣтніе досуги преимущественно на разѣзды по Италіи и Испаніи

и на изученіе художественныхъ и литературныхъ памятниковъ этихъ странъ. То же настроеніе побудило его добиваться чтенія лучшихъ произведеній литературы этихъ странъ въ подлинникахъ,—и я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ для этого къ прежде знакомымъ ему новымъ языкамъ—французскому, нѣмецкому и англійскому—присоединилъ изученіе итальянскаго и испанскаго языковъ, чтобы читать Данте и Сервантеса въ ихъ подлинникахъ. Тѣ же побужденія подвинули его къ возобновленію въ памяти свѣдѣній по греческому и латинскому языкамъ,—чтобы читать въ подлинникахъ произведенія греческихъ и латинскихъ классиковъ. Существованіе этого настроенія къ изученію умственной и художественной жизни человѣчества сказывается въ Каченовскомъ во многомъ другомъ: въ коллектированіи рисунковъ, нотъ, художественныхъ изданій и т. под., и это ложилось тяжелымъ бременемъ на его бюджетъ, приходъ котораго получался исключительно отъ жалованья.

Оно же, вѣроятно, можетъ объяснить намъ, какъ могъ сынъ бѣднаго чиновника, рано потерявшій отца и оставшійся безъ всякихъ средствъ къ существованію, успѣть къ тому времени, о которомъ идетъ рѣчь, научиться французскому, нѣмецкому и англійскому языкамъ и игрѣ на фортепіано и все это довести—очевидно личными усиліями и безъ посторонней помощи—до такой степени совершенства, чтобы свободно читать и объясняться на

этихъ языкахъ и удовлетворительно выполнять трудныя піесы классическаго репертуара для фортепіано какъ соло, такъ и въ ансамблѣ. Этими вкусами Каченовскаго обусловлены были многія личныя отношенія его къ художникамъ, коллекціонерамъ, музыкантамъ, ученымъ, въ особенности же—къ знакомымъ дамамъ. Нужно было обладать большимъ запасомъ энергіи и способностей, чтобы развить такую роскошную культуру въ той скудной обстановкѣ, въ которой выросъ и прожилъ Каченовскій. Люди, пробившіеся впередъ собственными талантами и трудомъ и, благодаря этому, занявшіе выдающееся положеніе среди окружающихъ, весьма часто становятся строгими и требовательными къ другимъ; это сообщаетъ имъ суровый видъ, неприступность, этимъ они внушаютъ болѣе боязни, чѣмъ любви окружающимъ. Къ тому же въ стремленіи къ тому, что Каченовскій считалъ за добро, и въ противодѣйствіи тому, что онъ считалъ за зло, онъ бывалъ непреклоненъ и не останавливался передъ рѣшительными дѣйствіями для достиженія намѣченной цѣли. Въ Харьковскомъ Университетѣ, въ то далекое время, было въ большомъ ходу помѣщеніе состоятельныхъ студентовъ на квартирахъ у профессоровъ, которымъ за этихъ пансіонеровъ платили весьма значительныя по тому времени суммы.

Когда Каченовскій сталъ профессоромъ Харьковскаго Университета, только два изъ его старшихъ товарищей по юридическому факультету—

профессора Палюмбецкій и Станиславскій—были свободны отъ этого грѣха, не имѣли пансіонеровъ; всѣ же остальные, какъ хорошіе, такъ и плохіе, профессора не гнушались этого, по меньшей мѣрѣ, сомнительнаго и скользкаго дѣла. Благодаря этому для профессорскихъ пансіонеровъ получались чрезвычайно благопріятныя условія для благополучнаго прохожденія ими университетскаго курса и окончанія его: рука руку мыла, а Палюмбецкій и Станиславскій вообще не были борцами, держались строго легальныхъ требованій на экзаменахъ и къ ихъ экзаменнымъ требованіямъ не трудно было приспособить пансіонеровъ, даже самыхъ неспособныхъ и малосвѣдущихъ. Каченовскій не могъ съ этимъ примириться, и онъ противопоставилъ особенную придирчивость къ профессорскимъ пансіонерамъ на экзаменахъ по международному праву какъ бы въ компенсацію за облегченные для нихъ экзамены по другимъ предметамъ. Предметъ Каченовскаго давалъ для того хорошій матеріалъ—въ видѣ историческихъ справокъ и сопоставленій, которыя дѣйствительно имѣютъ большое значеніе въ международномъ правѣ,—и Каченовскій сталъ пользоваться этимъ со свойственною ему въ подобныхъ случаяхъ прямолинейностью. Не прошло нѣсколькихъ лѣтъ примѣненія этого пріема, какъ пансіонерство стало ненадежною защитою для неспособныхъ и лѣнивыхъ и стало, вообще, подвергаться осужденію какъ среди студентовъ, такъ и въ обществѣ.

Въ 1856 г., когда я поступилъ въ Университетъ, оно еще существовало, но было уже въ упадкѣ; черезъ три-четыре года оно совсѣмъ исчезло. Кромѣ того поднятія общаго настроенія, которое произошло въ это время, въ связи съ общественнымъ движеніемъ, сопровождавшимъ первые годы царствованія Императора Александра II-го, уничтоженіе этого зла должно быть поставлено также въ заслугу Каченовскому. Нужно, впрочемъ, сказать, что Каченовскій вообще былъ строгъ и придиричивъ на экзаменахъ, какъ это совершенно вѣрно упоминаетъ и объясняетъ М. М. Ковалевскій. Самъ онъ въ своей трудовой жизни такъ много преодолѣлъ препятствій и столь многому научился,—и это давало ему основаніе быть требовательнымъ по отношенію къ другимъ. Непреклонность въ дѣйствіяхъ всегда наталкивается на различныя жизненныя явленія, съ которыми, какъ принято думать, слѣдуетъ считаться; когда это не соблюдается, то нерѣдко наступаютъ тѣ сочетанія, которыя хорошо опредѣляются старымъ изреченіемъ: *summius jure, summa injuria*. Я и не стану оправдывать всѣхъ экзаменныхъ строгостей и придирокъ Каченовскаго, но, рискуя попасть не въ тонъ съ современнымъ настроеніемъ, скажу, что общество и Университетъ несравненно болѣе теряютъ отъ слабости экзаменаторовъ, чѣмъ отъ строгости ихъ, самимъ-же экзаменаторамъ строгость обходится недешево, во всякомъ случаѣ много тяжелѣе, чѣмъ снисходитель-

ность. И Каченовскому она причиняла много огорчений и тяжелыхъ объясненій. Въ объясненіе и извиненіе ея я приведу здѣсь слѣдующій случай, въ которомъ непреклонное служеніе принципу причинило обиду одному лишь Каченовскому и когда онъ, тѣмъ не менѣе, не измѣнилъ ему. Въ началѣ 60-хъ годовъ стали говорить и писать о пересмотрѣ Университетскаго Устава, причемъ въ основу преобразованія ставился принципъ самоуправленія Университетовъ, который впослѣдствіи и былъ сравнительно полно проведенъ въ Уставъ Университетовъ 1863 г. Каченовскій, искренній сторонникъ самоуправления Университетовъ, помѣстилъ по этому предмету въ столичныхъ изданіяхъ нѣсколько замѣтокъ, которыя обратили на себя вниманіе. Когда Министерство Народнаго Просвѣщенія обратилось къ Попечителю съ приглашеніемъ прислать делегата отъ Университета для составленія проекта Устава, то бывшій тогда Попечителемъ Харьковскаго Учебнаго Округа, ген.-лейт. Левшинъ, который относился съ большимъ вниманіемъ и любезностью къ Каченовскому, предложилъ ему быть делегатомъ Харьковскаго Университета. Не смотря на то, что тогда еще дѣйствовалъ Уставъ 1835 г. съ поправками 1848 г. и формально о самоуправленіи Университета не могло быть и рѣчи, Каченовскій заявилъ Попечителю, что делегатъ Университета долженъ быть выбранъ Совѣтомъ Университета, а не Попечителемъ, и что онъ командировки отъ

Попечителя не можетъ принять. Попечитель, конечно, не захотѣлъ уступить ѣ избранію совѣту не предоставилъ, но безъ затрудненія нашелъ профессора, готоваго принять командировку отъ него; то былъ профессоръ гражданскаго права, впоследствии сенаторъ Пахманъ.

Можно было бы припомнить еще нѣсколько болѣе или менѣе рельефныхъ случаевъ прямолинейности и непреклонности въ поведеніи Каченовскаго. Съ этимъ свойствомъ, вообще тяжелымъ въ обществѣ, немногіе изъ его сослуживцевъ мирились; большинство ихъ приписывало это не твердости убѣжденій и вѣрности принципу, а заносчивости и самомнѣнію, и недолюбливало Каченовскаго; но все-же это большинство не могло не считаться съ нимъ. Присутствіе въ Университетѣ товарища, который всегда былъ готовъ высказать открыто свое принципиальное мнѣніе, не смотря на то, что въ немъ содержалось осужденіе дѣйствій кого либо изъ присутствующихъ, не могло не возстановлять противъ Каченовскаго; но въ то же время это самое не могло и не импонировать окружающимъ, тѣмъ болѣе, что въ своихъ отношеніяхъ къ Университету и студентамъ Каченовскій былъ до педантичности корректенъ, безупреченъ. Мнѣ кажется, что этимъ Каченовскій, не смотря на свою непопулярность среди профессоръ-современниковъ, оказалъ большое вліяніе на общее направленіе дѣятельности совѣта Харьковскаго Уни-

верситета въ тѣ годы. Съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія вспоминаю я объ этой дѣятельности и не обинуясь скажу, что она должна быть въ значительной мѣрѣ поставлена въ заслугу Д. И. Каченовскому. Его дѣятельность въ этомъ направленіи причиняла ему много служебныхъ непріятностей, особенно въ послѣдніе годы его жизни, когда реакція въ министерствѣ и Университетѣ стала сильнѣе. Обожавшая его старуха-мать нерѣдко журила его за его выходки, но это не склоняло его къ измѣненію образа дѣйствій. Наоборотъ, съ развитіемъ недуга, который такъ скоро свелъ его въ могилу, развивались раздражительность и несдержанность, отъ послѣдствій которыхъ онъ самъ испытывалъ большія страданія; успокоившись, онъ не пытался оправдывать свои выходки, но не могъ воздержаться отъ нихъ на слѣдующій день. Вспоминая ихъ въ тѣсномъ кругу, въ шутиливомъ тонѣ, онъ сравнивалъ себя съ Донъ-Кихотомъ, чтеніе котораго было для него любимымъ занятіемъ въ послѣдніе годы жизни. Въ этомъ шуточномъ сравненіи, если имѣть въ виду преданность идеѣ и стремленіе къ намѣченной цѣли, это сравненіе имѣло, думается мнѣ, болѣе основаній, чѣмъ это полагалъ самъ Каченовскій. Какъ бы въ объясненіе своей неприспособленности къ Харькову, который онъ называлъ въ шутку Саламанкою, онъ примѣнялъ къ себѣ одно изъ изреченій рыцаря печальнаго образа: «да, за грѣхи мои я учился въ

Саламанкъ и умру въ ней». Можетъ быть всѣ упоминаемые здѣсь обстоятельства обезцѣнили для него сохраненіе и продолженіе жизни, которая приносила ему такъ много огорченій, вѣрнѣе же—непреклонное служеніе долгу, которое трудно было совмѣстить съ усиленными заботами о здоровьи,—но онъ рѣшительно отказывался отъ систематическаго лѣченія, при которомъ обязательно было соблюдать покой, давать себѣ частый отдыхъ и беречь силы. Жизнь при такихъ условіяхъ—говаривалъ онъ—не настоящая и не стоитъ сохранять ее. Предчувствуя близкій конецъ, онъ заранѣе озаботился обезпеченіемъ участи старухи-матери. Состоя членомъ литературнаго фонда, онъ заранѣе хлопоталъ о пенсіи для нея на случай его смерти и съ удовольствіемъ показывалъ мнѣ письмо Кавелина, извѣщавшее его о состоявшемся по этому дѣлу постановленіи комитета. Не смотря на совѣты докторовъ—прожить зиму на югѣ и прекратить во всякомъ случаѣ чтеніе лекцій—онъ возобновилъ чтеніе своего курса осенью 1872 года въ то время, когда онъ не могъ уже громко говорить; приходилось поручать чтеніе записокъ студентамъ, ограничиваясь вставками при чтеніи своихъ объясненій,—и такъ онъ продолжалъ до послѣднихъ дней. Онъ подошелъ къ могилѣ такъ же прямолинейно и непреклонно, какъ прожилъ всю свою жизнь, не измѣнивъ себѣ и тому знамени, подъ которымъ онъ вступилъ въ жизнь. Въ ночь 19 декабря 1872 г. его не стало.

Мраморная надгробная плита, окруженная желѣзною рѣшеткою, была положена на могилу Каченовскаго по единогласному постановленію совѣта Харьковскаго Университета вслѣдъ за его кончиною, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ она же была реставрирована Университетомъ. Не смотря на это вниманіе Университета къ сохраненію могилы Каченовскаго, я считаю себя вправѣ утверждать, что имя Каченовскаго, какъ и его могила, забыты теперь, и имя его рѣдко кѣмъ воспоминается. Жизнь ученыхъ и литераторовъ, какъ жизнь умственная и духовная вообще, рѣдко даетъ яркій матеріалъ для жизнеописанія и характеристики и въ этомъ отношеніи она представляетъ неблагоприятный матеріалъ для біографа. Сознавая эти трудности, не могу не опасаться, что моя попытка характеризовать общественную и Университетскую дѣятельность человѣка, память котораго я глубоко почитаю, мнѣ не удалась, что я не смогъ достаточно рельефно выставить высокія умственные и душевныя качества Каченовскаго и отчетливо выяснить вамъ его значеніе для Харьковскаго Университета и современниковъ его вообще. Чтобы закончить и дополнить мои воспоминанія о Каченовскомъ, я скажу здѣсь, что онъ представляется мнѣ подобнымъ хорошо сформированному прозрачному кристаллу съ зеркально гладкими гранями и острыми ребрами,—твердому и тоже рѣзкому на ощупь: нельзя не остановиться и не полюбоваться его опредѣлен-

ностью и чистотою. Вся жизнь Каченовскаго, начиная съ юности и до его кончины, представляется мнѣ непрерывнымъ и самоотверженнымъ служеніемъ убѣжденіямъ, которыя сложились у него подъ вліяніемъ западной культуры, имъ разносторонне и глубоко усвоенной; онъ признавалъ эту культуру общечеловѣческую, а потому пригодною и для насъ; распространеніе этой культуры онъ признавалъ необходимымъ условіемъ нашего прогресса,—и онъ сѣялъ ее въ теченіе всей жизни, и тогда, когда это давало славу и почетъ и тогда, когда это вышло изъ моды и даже навлекало на него гоненіе. Легко ли такъ прожить на Руси и во времена Каченовскаго и въ наше, позднѣйшее время—на это вы, Мм. Гг., отвѣтите сами, и какъ сами знаете; но я не могу не относиться къ такой жизни, какъ жизнь Каченовскаго, иначе, какъ съ чувствомъ глубочайшаго уваженія.

Закончу настоящее сообщеніе благодарностью Харьковскому Юридическому Обществу за напоминаніе о забытомъ нынѣ, но достойномъ, по моему глубокому убѣжденію, высокаго почитанія и долгой памяти имени Дмитрія Ивановича Каченовскаго.

